

"Казалось, впереди нормальная жизнь". Возвращение Грозного под контроль Ичкерии глазами очевидцев

Анжелика Каимова

12 августа 2026

 Приоритетный источник в Google

Подписание Хасавюртовских соглашений между Чечней и Россией, 30 августа 1996 г.

6 августа 1996 года ичкерийские отряды вошли в Грозный и начали операцию под названием "Джихад" по возвращению контроля над городом. Это стало заключительным сражением первой войны в республике. Через несколько дней российские подразделения оказались заблокированы. Бои продолжались до конца августа и привели к переговорам и подписанию Хасавюртовских соглашений. В соответствии с ними Чечня практически признавалась суверенным государством, а все вопросы между Москвой и Грозным должны были решаться исключительно на основе международного права. Кавказ.Реалии собрали воспоминания очевидцев, чтобы восстановить эти дни такими, какими они остались в их памяти.

"У меня осталось всего десять минут"

В ватсапе у Зайнап стоит фотография молодого мужчины, на ней дата – 6 августа 1996 года – и надпись: "30 лет". Для большинства это лишь напоминание о давно прошедших событиях, а для неё – день, после которого жизнь разделилась на до и после. В тот день в Грозном без вести пропал её муж. 30 лет спустя она по-прежнему вспоминает то утро в мельчайших деталях.

— С первых месяцев войны, когда федеральные войска вошли в Чечню, мой муж присоединился к группе боевиков. Он говорил, что должен защищать нас, нашу землю, наш народ. Ему было 36 лет, мне – 29. У нас было трое детей: старшей дочери 11 лет, второму ребёнку – семь, младшему сыну – четыре.

“ Мне в один голос говорили все: "Он в плену. Он вернётся"

В конце июля 1996 года он приехал домой. Сказал, что их группа отходит в Дарго в Веденском районе и что он заехал попрощаться. Целый вечер он играл с детьми, мы вместе поужинали.

Потом я уложила детей спать, и он заговорил со мной. Просил, чтобы я заботилась о детях и ни при каких обстоятельствах их не бросала. Он очень любил их, был к ним привязан. Потом написал письмо сыновьям и попросил сохранить его до тех пор, пока они не вырастут. В нём он написал, что любит их, просил всегда держаться друг за друга и беречь друг друга.

У него была лошадь по кличке Сокол, которую он очень любил. Он сказал мне: если долго не будет вестей, продай её. Сказал, что этих денег нам на какое-то время хватит. Говорил, что будет отсутствовать примерно месяц, но по тому, как он вёл себя в тот вечер, я чувствовала: он может больше не вернуться.

Наша с ним жизнь не всегда была безоблачной, и потому он попросил у меня прощения за всё плохое, что было между нами. Я слушала и молчала, глотая слёзы, и боялась заговорить. Одного слова, наверное, было бы достаточно, чтобы мой голос дрогнул и слёзы меня выдали. Тогда он посмотрел на часы и сказал: "Простишь ты меня или нет, но у меня осталось всего десять минут".

Перед тем как уйти, он подошёл к каждому из детей. Поправил им одеяла, погладил по голове. Я смотрела на него и не могла поверить, что это может быть наша последняя встреча. За ним приехали товарищи. Он вышел из дома, а я пошла его проводить и стояла у ворот, пока машина не скрылась за углом. Это был последний раз, когда я его видела...

В Ведено тогда было беспокойно. Моя свекровь, которая жила в Грозном, однажды приехала к нам и сказала, что в городе относительно спокойно, стрельбы нет. Она забрала с собой старших детей. Я осталась в селе с младшим сыном. Мы не могли просто оставить дом: у нас была скотина и та самая лошадь мужа.

Наступило 6 августа 1996 года. С утра я переделала домашние дела и вместе с младшим сыном зашла к соседям, просто скоротать время. У них был маленький чёрно-белый телевизор. Все смотрели новости, и вдруг стали говорить, что в Грозный вошли боевики, что в городе идут ожесточённые бои. Я страшно испугалась за детей, за тех, кто оставался в городе, и, прежде всего, за своего мужа. Я понимала, что он может быть там.

Через несколько дней свекровь вернулась из Грозного со старшими детьми. Они чудом смогли выехать через Алхан-Калу. Ночевали у совершенно незнакомых людей, часть дороги шли пешком, где-то ехали автостопом.

Потом в село начали возвращаться боевики. Пошли слухи, что война закончилась. А я ждала. Каждый раз, когда кто-нибудь стучал в ворота, мне казалось, что это он. Когда во дворе останавливалась машина, мы с детьми выбегали на улицу, я каждый раз надеялась увидеть его, но он не приходил.

**“ Я до сих пор не могу
вслух признать его
погибшим**

Проходил день, другой, третий. Я стала ходить по домам тех, кто возвращался с войны в наше село, и спрашивать о муже. Каждый из них рассказывал мне что-то своё. Одни говорили одно, другие – совсем другое,

и тогда я поняла: от меня что-то скрывают.

Однажды нам принесли весть: он пропал без вести 6 августа. Но для меня это не было ответом. Мы продолжали его искать: ездили по разным сёлам, искали в списках погибших и пленных, давали объявления по телевидению. Искали любую зацепку, любую возможность узнать, что с ним произошло. Я даже ходила к гадалкам. Мне хотелось услышать только одно: что он жив. И мне в один голос говорили все: "Он в плену. Он вернётся".

Я цеплялась за эти слова и ждала. Годы шли, но надежда никуда не исчезала. И вот прошло 30 лет, а сердце всё равно продолжает так же ждать.

Для многих 6 августа – дата в истории войны, день победы, но для меня это день, когда пропал отец моих детей, день, когда наша семья потеряла самого родного человека. Каждый год 6 августа мои сыновья раздают садака (*добровольная милостыня, которую мусульманин выплачивает нуждающимся*) за своего отца и за

всех чеченцев, которые погибли в те дни. А я до сих пор не могу вслух признать его погибшим, потому что я не видела его мёртвым...

Я до сих пор помню, как он в последний раз поправлял детям одеяла, как гладил их по голове, как смотрел на часы и говорил, что у него осталось всего десять минут. И, наверное, поэтому спустя 30 лет какая-то часть моего сердца всё ещё ждёт.

Грозный во время операции "Джихад". Август, 1996 г.

"Всё казалось страшным фильмом"

Летом 1996 года Лариса приезжала поступать в педагогический институт. Она добиралась из села, денег на постоянные поездки туда и обратно не было, поэтому девушка решила остаться у родственницы в Грозном. Она и представить не могла, что через несколько дней уехать из города будет уже совсем не так просто.

— Летом 1996 года я прочитала в газете "Грозненский рабочий", что в педагогический институт идёт набор, и решила попробовать свои силы. Приехала из села, сдала экзамены. Последний экзамен, насколько я помню, был 1 августа. В приёмной комиссии сказали, что результаты будут известны через неделю. Ехать домой, а потом снова возвращаться в Грозный не было смысла: времена были беспокойные и тяжёлые, да и денег на такие поездки у меня тогда не было. Поэтому я решила остаться у тёти и просто дождаться результатов.

Утром 6 августа меня разбудила тётя. Она металась по комнате, будила своих детей, собирала самое необходимое и говорила, что нужно спускаться в подвал. Мы жили в центре Грозного, на Грознефтяной. Я ничего толком не понимала, взяла первое, что попало под руку, и вместе с ними спустилась вниз.

В подвале к тому времени уже было много людей. Дети плакали, кто-то молился, кто-то успокаивал собравшихся, а снаружи гремели взрывы, стреляли. Мы не понимали, что происходит и сколько это продлится.

“ Случайная пуля попала в него, когда он выскочил покурить

Через какое-то время к нам из соседнего дома забежал мужчина. Он сказал, что в Грозный вошли чеченские боевики и начались бои. Сказал, что, скорее всего, это надолго, а пока есть затишье, нужно

подняться в квартиры и взять еду и воду хотя бы на несколько дней.

Так мы и провели в подвале три дня. Иногда становилось немного тише, но время от времени снова раздавались выстрелы. Тётя в один из таких моментов смогла подняться в квартиру и принесла нам еду. Но воды и продуктов всё равно не хватало, и всё же люди делились даже последним куском. В подвале было очень жарко, душно, невыносимо. Люди старались держаться, но было страшно.

Через три дня нам сказали, что объявлен коридор [для мирного населения] и можно выходить из города. Во двор приехали грузовики. Сначала вывозили детей, стариков и больных, потом остальных. Нас вывезли в Алхан-Калу, а оттуда на тех же грузовиках помогли выбраться дальше из опасной зоны.

Но именно тогда я увидела то, чего не забуду никогда. Когда мы вышли из подвала во двор, там лежало множество трупов. До этого я никогда в жизни не сталкивалась с подобным. У меня началась истерика, всё происходящее казалось каким-то страшным фильмом, только это был не фильм. Для меня это самое тяжёлое воспоминание в жизни. До сих пор я не могу без содрогания вспоминать те дни.

Когда мы вернулись домой, примерно через неделю из Грозного начали приходить сообщения о погибших. С каждым днём становилось известно всё больше имён. Среди погибших были мои знакомые, несколько человек – из нашего села.

А потом я узнала ещё об одной смерти, которая глубоко меня ранила. В соседнем селе мне рассказали, что тот самый молодой парень, который мне очень нравился, погиб в Грозном. Случайная пуля попала в него, когда он на пять минут выскочил во двор, чтобы покурить. Наверное, поэтому воспоминания о 6 августа для меня до

сих пор связаны не только со страхом, который я пережила в подвале, но и с людьми, которых после того дня уже не стало.

Раненых российских военных эвакуируют из Грозного. Август, 1996 г.

"Мы были уверены, что победим"

Когда началась первая война в Чечне, Якубу было 22 года, но уже знал цену бою: успел отслужить в Советской армии, получить ранение и вернуться в Грозный. События 6 августа он встретил уже как опытный боец – заранее заняв позицию в ожидании приказа. Тогда он верил, что вместе с этой операцией закончится война, а впереди ждёт свободная и мирная жизнь. Спустя 30 лет в его памяти всё так же живы и чувство той победы, и лица тех, кто до мирной жизни так и не дожил.

— Я родился и вырос в Грозном. Наша разведывательно-диверсионная группа состояла в основном из городских ребят, поэтому мы почти всё время находились в городе. Ещё весной 1996 года мы понимали, что готовится крупная операция. В марте уже была своего рода разведка боем, и тогда мы тоже находились в Грозном.

О событиях 6 августа мы знали заранее. Точную дату нам сообщили незадолго до начала операции. Уже 5 августа мы заняли назначенные позиции, а ночью выдвинулись на свои точки. В шесть утра всё должно было начаться. Мы понимали, что операция будет масштабной, но никто не думал, что всё закончится так быстро и вскоре будут подписаны мирные соглашения.

У нас не было сомнений в победе. Мы находились дома, на своей земле, и были уверены, что рано или поздно победим. Единственное, чего мы не могли представить, что этот день окажется настолько близким.

Мы были молодыми: кто-то уже успел жениться, кто-то только собирался. Все мечтали об одном: чтобы закончилась война, чтобы можно было спокойно жить, строить своё государство, работать, создавать семьи, растить детей. Нам казалось, что впереди нормальная жизнь и свободная страна...

**“ Я надеюсь, что
однажды моя родина
станет свободной**

Почти всех моих друзей, с которыми я тогда воевал, сегодня уже нет. Они погибли.

Когда вспоминаю те дни спустя 30 лет, понимаю, насколько другими были наши

представления о будущем. Мы верили, что Грозный отстроят, жизнь наладится. Но представить, что спустя годы у власти окажется такой человек, установится такая система и республика вновь окажется под Россией, мы не могли даже в самом страшном сне.

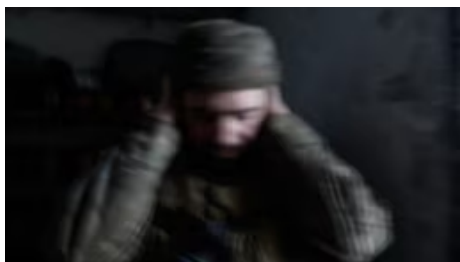
Для меня операция 6 августа стала большой победой. Это была успешная операция и тяжёлый удар по России. Уверен, что спустя десятилетия о ней будут помнить так же, как сегодня вспоминают поход генерала Михаила Воронцова на Дарго во время Кавказской войны. Такие события остаются в истории.

Ощущение близости смерти сопровождало нас каждый день. Мы спали не раздеваясь, потому что в любую минуту могли начаться бои, в любой момент нас могли окружить. Особенно остро это ощущалось во время операций, когда рядом погибали и получали ранения товарищи.

Есть один эпизод, который навсегда отпечатался в моей памяти. Я уже был ранен и проходил реабилитацию после выхода из Грозного. Наши позиции тогда находились между Шали и Старыми Атагами. Однажды я поехал с ребятами, которые везли еду нашим бойцам, – просто хотел увидеть друзей.

Перед позициями лежало поле. Когда-то оно было ровным и ухоженным, словно поле для гольфа. Теперь же вся земля была изрыта воронками от снарядов. Навстречу мне шёл мой боевой товарищ, ростом под два метра. Мы только успели поздороваться, как начался обстрел. Он мгновенно схватил меня, прижал к земле и закрыл собой. Этот поступок я не забуду никогда. Мы до сих пор дружим, часто созваниваемся, и я знаю, что буду помнить тот день до конца своей жизни.

Для меня 6 августа – светлый день, день нашей победы. Я надеюсь, что однажды моя родина станет свободной и эта дата займёт своё место в календаре как День Победы, который будут помнить и отмечать будущие поколения.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Бахмут не отличить от Грозного". Чеченцы в обороне Украины – о войнах России

| "К войне не привыкаешь, с ней учишься жить"

Руслан в августе 1996 года собирался поступать в университет, ему было 17 лет. Но вместо экзаменов юноше пришлось помогать выносить раненого из-под обстрела. Вот что он рассказывает о первых часах боёв за Грозный.

— К войне не привыкаешь, ты учишься жить с ней. В то лето 1996 года в Грозном было относительно тихо, но многочисленные блокпосты с пьяными солдатами и разрушения не давали забыть о реальности. По ночам часто была слышна стрельба. Активные боевые действия шли лишь в горной части республики.

“ На моих глазах одному воину оторвало ногу

Я готовился поступать в университет и, если мне не изменяет память, 7 августа у меня должен был быть первый вступительный экзамен. До половины второго ночи я готовился к заветному дню и поздно лёг

спать. Проснулся от взрывов и сильного шума стрельбы – казалось, что стреляют прямо во дворе дома.

Мы жили в районе магазина "Луч", там находился 15-й военный городок, в котором дислоцировался большой контингент разного рода войск. Было трудно определить, с какой стороны атакуют [российских солдат], но в ответ они вели беспорядочную стрельбу по всем прилегающим улицам.

Половину дня 6 августа мы провели в укрытии, а когда в наш дом попал миномётный снаряд и снёс крышу, было решено покинуть это место. Но как?

Через соседские дворы мы вышли на более безопасную улицу и столкнулись там с ребятами из чеченского сопротивления, которые объясняли, где и в какой части города сейчас безопаснее. Их было человек десять, и, насколько я понял, они должны были удерживать бронеколонны, пытающиеся выехать из военного

городка. Все жители оказывали им поддержку: приносили банки с соленьями, компоты, напитки в бутылках. Были даже те, кто предлагал им своё жильё!

Меня переполнило чувство гордости за этих отважных ребят, а ещё стало стыдно, что они останутся здесь, защищая всех нас, а я пойду дальше, спасая себя... Человек никогда не достигнет желаемого, пока не научится жертвовать: где-то – материальными ценностями, а там, где речь идёт о свободе, – жизнью.

"Я хочу остаться с вами", – сказал я высокому, худощавому воину лет сорока, который, по моему мнению, был командиром отряда. Моя мать взяла меня за локоть: "Ты о чём?" – "Я остаюсь с ними, мать, не паникуй", – ответил я.

Командир отряда отвёл меня в сторону, чтобы поговорить. Это не была долгая философская беседа, он был очень краток: сказал мне, что мой первый бой выигран и сейчас я должен послушаться его и помочь женщинам, детям и старикам пробраться туда, где, по его словам, было относительно безопасно.

В момент, когда мы расходились, начался миномётный обстрел. Командир кричал, кому и что надо делать: "Лежать! В укрытие! Прикрывайте голову!" На моих глазах одному воину оторвало ногу, незначительное ранение получил и я, находившийся буквально в десяти метрах от него. Вместе с другими мы оттащили раненого во двор одного из домов, и знающие люди среди нас принялись затягивать рану жгутом и делать перевязку. Картина была ужасная, а из-за сильнейшего звона в ушах я ещё несколько минут почти ничего не слышал.

“ 6 августа для меня – день возмездия и победы

Оставшиеся бойцы побежали в сторону городка, было слышно, как командир по радиации передавал кому-то, что оттуда выезжает колонна. Потом он подбежал к нам

(мы всё ещё находились во дворе незнакомого дома) и сказал мне, что я должен помочь отнести бойца к другому отряду. Вместе мы быстро соорудили носилки и под нескончаемый шум стрельбы и взрывов, короткими перебежками, часто меняясь, донесли раненого до указанного места. Он был без сознания...

Август 1997 года, я снова готовлюсь поступать в вуз в Грозном. В городе идут приготовления, приуроченные к годовщине освобождения. Я никогда не оставался в стороне от таких мероприятий – считал и считаю это долгом каждого свободного чеченца. На площади в центре среди толпы я увидел того самого командира, подошёл и поздоровался с ним. Его радости не было предела!

Он крепко обнял меня, потащил за руку туда, где стояли очень известные командиры, и дал поздороваться с ними. Потом он повёз меня за город, в место, где

они дислоцировались, и сделал подарок: трофейный армейский нож.

То были настоящие герои, а 6 августа для меня – день возмездия и победы!

- Бои за Грозный длились с 6 по 22 августа 1996 года. Подразделения Ичкерии под руководством Аслана Масхадова, Зелимхана Яндарбиева, Асланбека Исмаилова, Ахмеда Закаева, Руслана Гелаева, Доку Умарова, Шамиля Басаева и других ичкерийских командиров заблокировали в Грозном группировку внутренних войск МВД и добились их отступления. 31 августа 1996 года были заключены Хасавюртовские соглашения, в том числе предлагавшиеся к заявлению "Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой". После этого первая чеченская война завершилась. В результате боев в Грозном с 6 по 22 августа, согласно российским источникам, погибли 494 военнослужащих и сотрудников милиции, ранены 1 407, ещё 182 пропали без вести.
- 5 августа представители чеченской диаспоры в Австрии, Германии, Польше и Франции провели митинги в честь годовщины начала операции "Джихад". Участники акций держали флаги Ичкерии, портреты героев сопротивления федеральным силам, к ним также присоединились украинские активисты, пришедшие с флагами своей страны и "Правого сектора".

Кавказ.Реалии в
Instagram

Кавказ.Реалии в
YouTube

Кавказ.Реалии в
Telegram

